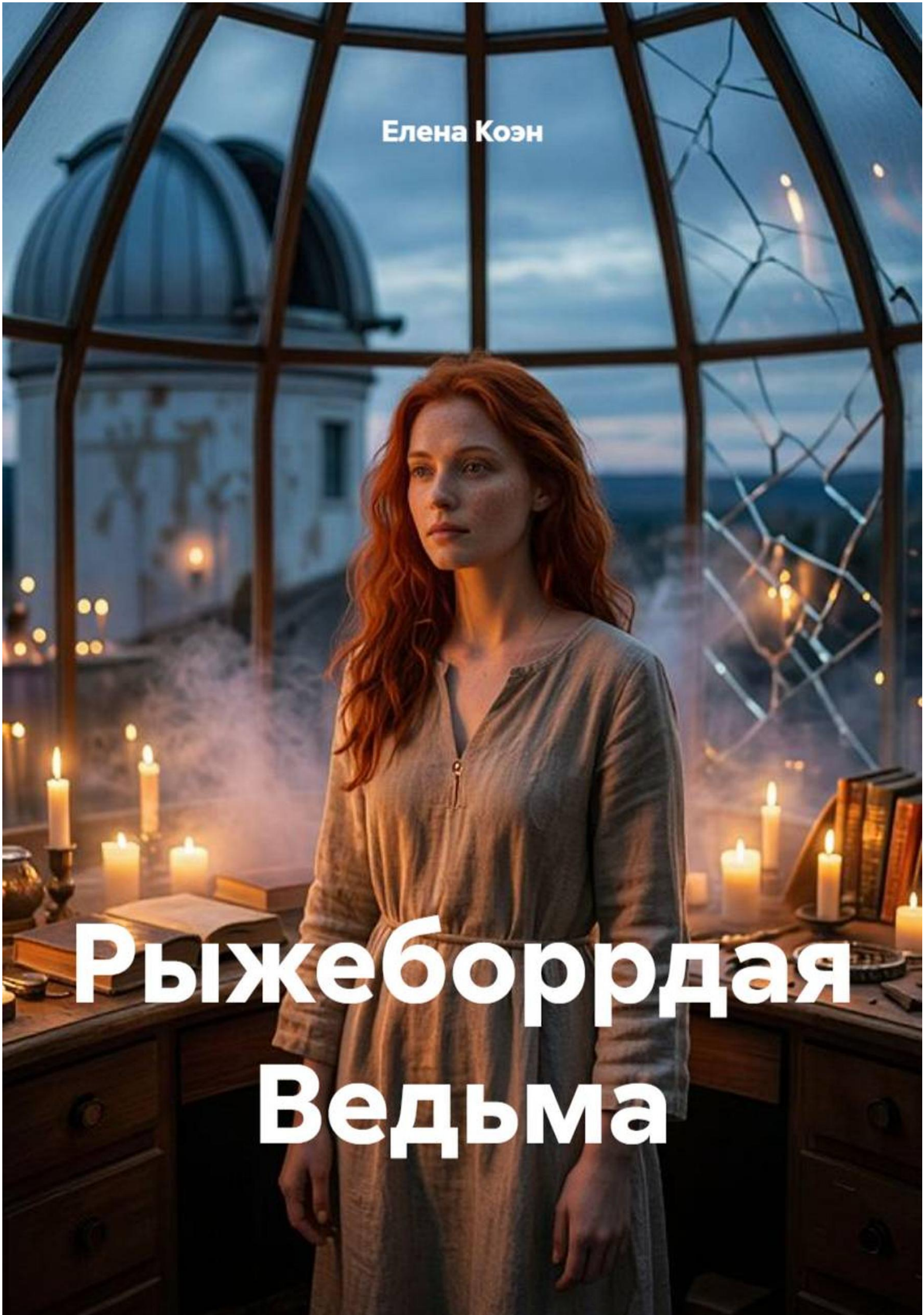

Елена Коэн
Рыжеборрдая
Ведьма

Елена Коэн

Рыжеборрдая Ведьма

«Автор»
2026

Коэн Е.

Рыжеборрдая Ведьма / Е. Коэн — «Автор», 2026

Что, если ваша боль — не приговор, а дверь?Вивианна Рыжеборрдая не похожа на ведьму из сказок. У неё нет чёрного платья и хрустального шара. Есть мастерская под стеклянным куполом, старая обсерватория на окраине города, чай с мятой и дар — видеть то, что люди прячут даже от себя.Она не лечит. Она выращивает решения. Не рассеивает тьму — заставляет правду цвести. Иногда болезненно, как солнечный ожог. Но всегда — к жизни.Одиннадцать историй. Одиннадцать дверей, которые открываются изнутри.— Девочка, которая перестала видеть мир после болезни — и видела только белый свет.— Ребёнок, закрывший все чувства, после потери отца.— Человек, который хотел мести — и получил зеркало.Эта книга — не сборник волшебных сказок. Это гид по человеческой душе. По её трещинам, ранам, страхам — и по свету, который всегда остаётся внутри, даже когда кажется, что его больше нет.«Я не спасаю. Я просто держу дверь открытой. А они проходят. И становятся собой. Настоящими. Живыми. Свободными».

© Коэн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 7
Глава 2. Вива Рыжеборрдая. 15
Глава 3. Незабываемая встреча. 21
Глава 4. Сделка 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Елена Коэн
Рыжеборрдая Ведьма

Пролог. ЧАША ДЛЯ ЛУННОГО СЕРЕБРА

Солярис (от sol — солнце). Ее магия — это магия света, внутреннего огня, роста и ясности. Она не колдует в классическом смысле — она выращивает решения, рассеивает тьму и заставляет правду цвести, иногда болезненно, как солнечный ожог.

Бывают раны, которые не кровоточат, и потери, которые не оставляют пустоты. Они оставляют инородное тело. Песчинку в самом сердце души. С ней можно жить годы, десятилетия, привыкнуть к её тихому, неумолимому трению. Но любая печаль, любая чужая тоска, проходя мимо, намагничивается к этой песчинке, растёт на ней, как кристалл льда. И однажды она становится слишком тяжелой. В ту ночь кристалл вырос до предела. Вивиана стояла в своей мастерской, но не видела ни сушёных трав, пылящихся на полках, ни тихо поблёскивающих склянок. Она смотрела в окно, за которым бушевала поздняя осень. Ветер рвал последние листья с клёна, и их полёт был похож на рассыпанные буквы ненаписанного письма. Письма ему. Прошло уже семь лет. Семь оборотов земли вокруг солнца, семь циклов убывания и роста луны. Для мира – это был срок. Для памяти, вскормленной той песчинкой, – мгновение. Она всё ещё чувствовала тепло его ладони на своей щеке. Всё ещё слышала последний шёпот, нет, не ушами, а той частью себя, что была с ним навсегда сплетена: «Не гаси свой свет, Вива».

Она не погасила. Она заковала его. Превратила в лезвие, в инструмент, в хирургический луч, способный вскрыть любую ложь. Её доброта перестала быть солнечным светом, согревающим всех. Она стала лучом лазера, точным, безжалостным и целебным. Она помогала людям не от избытка тепла, а от избытка боли, которая искала выхода, превращаясь в действие. И вот теперь, в эту бурную ночь, песчинка в её сердце дрогнула. Криком. Не звуковым – эмоциональным. Волной отчаяния, такого острого и знакомого, что у Вивианы перехватило дыхание. Это шло из частного сектора, который в народе называли деревней на окраине города. Чистый, недетский ужас, замешанный на беспомощности.

Инстинкт, древний, как её род, как будто дернул её за плечо. Разум, закалённый потерей, шептал: «Остановись. Не каждый крик души – твоя обязанность. Ты не спасешь всех. Ты не смогла спасти его». Но её ноги уже скользили по холодному полу. Руки сами набросили плащ цвета грозового неба – не для тепла, а для невидимости в ночи. В глазах, тех самых, малахитово-зелёных, вспыхнул тот самый необычайный блеск. Не от слёз. От включившегося дара. Она уже видела не просто темноту за окном. Она видела нить. Тонкую, дрожащую, алую нить страдания, протянутую откуда-то из той самой деревни неподалёку прямиком к её порогу. Кто-то не просто страдал. Кто-то призывал, звал, кричал голосом, слышным и понятным только ей. Бессознательно, отчаянно, так просят о помощи те, кому очень страшно. Она вышла, и ветер тут же обвил её, пытаясь сорвать капюшон. Он пах дождём, прелой листвой и… страхом. Конкретным, как вкус меди на языке. «И что ты скажешь им на этот раз, Рыжеборрдая?» – прошептала она себе под нос, и в голосе слышалась привычная, уставшая горечь. «Что боль пройдёт? Что жизнь продолжается? Ложь. Боль не проходит. Она просто становится частью тебя. А жизнь… жизнь продолжается лишь для тех, кто нашёл в себе силы не сломаться о эту часть».

Но она шла. По мокрой тропе, мимо спящих огородов, навстречу чужой беде. Потому что в этом был её бунт. Её единственный способ говорить с тем миром, который забрал у неё Любомира. Не молитвой, не мольбой, а действием. Каждая исцелённая душа, каждая развязанная узелковая проблема была её памятником ему. Каменным цветком, пробивающимся через асфальт человеческого равнодушия.

И где-то в неподалеку, в небольшой деревне, близ города, в доме, спала девочка, чей кристалл страха уже позвал Виву в самую первую, настоящую историю этой книги.

Она подошла к старому слегка покосившемуся дому. В окне тускло светил свет и сквозь стены, сквозь камень и дерево, она увидела это. Не глазами, а тем самым внутренним взором, обострённым до боли. Она увидела не призрака и не монстра. Она увидела чудовищный кристалл страха, выросший в углу детской комнаты. Он был соткан из страха и боли живущей в стенах этого дома. Он пожирал свет, тепло и сны маленькой девочки. Вивиана остановилась у калитки. Дождь застучал по её плечам. Она на мгновение закрыла глаза, прислушиваясь не к вою ветра, а к тишине внутри. И в ней, как всегда, нашла ответ – не его голос, а ощущение его согласия. Спокойное, твёрдое, как корень старого дуба.

Она толкнула калитку. Скрип был таким громким, что казалось, крикнула сама ночь.

Ей предстояло войти внутрь. Не как утешительница. Не как волшебница с готовым решением. А как хирург души. С холодными, ясными глазами и словами, острыми как скальпель. Ей предстояло взять чужую боль, намагнитившуюся к её собственной песчинке, и превратить её во что-то иное. Может быть, в понимание. Может быть, в слёзы очищения. А может – просто в тишину после долгого крика.

Она сделала глубокий вдох, вбирая в себя запах дождя, страха и влажной земли.

– Ладно, – тихо сказала она ночи, судьбе и памяти о нём. – Покажем им, как растут цветы на камнях.

И шагнула вперёд, навстречу первой главе своей нескончаемой, одинокой и необходимой войны. Войны света, который отказался угаснуть.

Глава 1.
История первая. Дом, где кричали стены.

Часть первая. Страх.

Внутри пахло не болезнью и не страхом. Пахло каким-то выдохшимся счастьем — тем, что когда-то было, оно выцвело, превратилось в пыль, осевшую на шторах, на старом ковре, на детских рисунках, приколотых к холодильнику магнитами. Вива шагнула через порог, и первое, что она увидела, был не ужас, который она ожидала. Была тишина. Слишком густая, слишком плотная, как вода, которая вот-вот закипит, но пока ещё держит обманчивую гладь. В коридоре горел тусклый, невзрачный ночник, бросая жёлтые блики на облупившиеся обои. Из комнаты справа доносилось что-то похожее на шёпот — не слова, а ритм, монотонный, как колыбельная, которую поют на автомате, потому что больше нечего делать. Вива не стала стучать. Она толкнула дверь, и та поддалась беззвучно — или ей показалось, потому что в этой тишине даже скрип должен был быть громче, чем положено. В комнате горел единственный свет — настольная лампа под зелёным абажуром. Она освещала стол, заваленный бумагами, и женщину, сидящую за ним. Лицо женщины было бледным, как молоко, глаза казались огромными, чёрными от расширенных зрачков. Она смотрела на Виву так, будто ждала её. Или будто не видела вовсе — смотрела сквозь, как смотрят на тени в углах, которые не решаются признать реальными.

«— Вы пришли», — сказала женщина. Голос её был сухим, как осенняя листва.

— Я знала. Я чувствовала, что вы придёте. Мне давно рассказали про вас, но я всё как-то не решалась прийти, я просто ждала.

Вива не ответила. Она смотрела не на женщину — на то, что было за её спиной. Туда, где в углу, в детской кроватке, лежал ребёнок. Девочка лет пяти. Она не спала — она лежала с открытыми глазами, и эти глаза были совсем пустыми, как небо без звёзд. Она не плакала, не шевелилась. Она просто лежала, уставившись в одну точку и каждый её вдох был едва заметен, как будто она боялась потревожить что-то невидимое, что сидело рядом с ней на краю кроватки.

— Она не спит по ночам, а иногда просто плачет — сказала женщина, не оборачиваясь. — Она плохо ест и не хочет разговаривать. Врачи говорят — мутизм на нервной почве. Но я знаю — это не нервы. Это то, что живёт в этом доме.

Я — это чувствую. Вива подошла ближе к кроватке. Девочка не повернула головы. Но её глаза — эти пустые, ничего не выражающие глаза — вдруг моргнули. Один раз. Медленно. Как будто она узнала Виву. Или её свет.

— Что здесь случилось? — спросила Вива, не повышая голоса.

— Я не знаю, — прошептала она.

— Всё началось несколько месяцев назад. После того, как мы купили этот дом. Сначала просто казалось, что в доме кто-то есть, как будто кто-то ходит по дому. Разные тени по углам. Шаги в коридоре и какие-то странные, очень странные звуки. Я думала — сквозняки, старость и всё такое.

А потом Даша перестала спать. Она говорила, что в её комнате кто-то сидит и ей очень страшно. Что там есть девочка. Такая же маленькая, как она. Сидит и смотрит на неё. Она не боялась сначала, а потом... потом она перестала разговаривать и спать по ночам. Просто замолчала и всё. Как будто кто-то выключил её звук.

Женщина замолчала. Её руки дрожали, она сжимала их так, что костяшки её пальцев побелели.

«— Я думала, это галлюцинации», — сказала она. — Водила дочку к врачам, к разным психологам и экстрасенсам. Никто не мог ничего сделать.

А потом вы... вы появились из неоткуда. Я не знаю, как вы узнали, но вы пришли. Мне рассказали о вашей беде, и я здесь не случайно. Спасите её. Пожалуйста. Спасите мою дочь.

Вива медленно повернулась к женщине. В её зелёных глазах не было ни жалости, ни тепла — было внимание. Твёрдое, как сталь.

«— Я не спасаю», — сказала она.

— Я выясняю. И вы, и ваша дочь, и этот дом — вы храните то, что боитесь выпустить наружу. Вы привели меня сюда не за чудом. Вы привели меня, чтобы я помогла вам признать правду. Даже если она страшнее того, что вы видите по ночам.

Она подошла к женщине, остановилась у стола, наклонилась и заглянула в её глаза — внимательно, не мигая.

— Кто жил здесь до вас? — спросила она.

Женщина вздрогнула, как от удара.

— Я.… я не знаю. Нам продали этот дом через агентство. Они сказали, что хозяева уехали.

Женщина замолчала. Её руки дрожали.

— Спасите её. Пожалуйста.

— Здесь произошло то, что вы чувствуете до сих пор. Не головой — телом. Вы чувствуете, как стены помнят крик. Как пол помнит шаги. Как воздух помнит дыхание того, кого больше нет.

Женщина побледнела. Её губы дрожали, но она не плакала — как будто слёзы кончились ещё до того, как она сюда приехала.

— Что... что здесь произошло? — прошептала она.

Вива не ответила. Она повернулась к кроватке, села на пол рядом с девочкой, на одном уровне с ней. Не дотронулась и не протянула руку. Просто села и заговорила — тихо, ровно, как говорят с теми, кто потерялся в своём мире.

— Здравствуй.

— Меня зовут Вива — сказала она.

— Я не страшная. Я знаю, что ты видишь маленькую девочку. Она тоже здесь. Она хочет тебе что-то сказать. Но она не знает, как. Она боится. Ты не боишься, правда?

Девочка в кроватке не шелохнулась. Но её пальцы — маленькие, сжатые в кулачки — чуть дрогнули. Разжались и легли на одеяло.

Вива закрыла глаза. Она не видела того, что видела девочка — маленькую тень в углу. Она видела другое: нить. Тонкую, дрожащую, почти прозрачную, которая тянулась от кроватки к стене, от стены — к полу, от пола — к подвалу. Туда, где темнота была гуще, чем в любом другом месте этого дома.

Она открыла глаза и посмотрела на женщину.

— В подвале есть что-то — сказала она.

— Старое. Очень старое. И очень грустное. Вы спускались туда?

Женщина покачала головой.

— Нет. Ключ потерялся, и я даже не знаю, где он.

— Не нужно ключа — сказала Вива.

Она встала, поправила плащ, и в этом движении было что-то решительное, почти хищное.

— Оставайтесь здесь, — сказала она.

— С дочерью. И не заходите туда, даже если услышите шум. Я скоро вернусь.

Она вышла в коридор. Дверь в подвал находилась на кухне — старая, обитая почерневшим железом, с петлями, покрытыми ржавчиной. Вива не стала искать ключ. Она приложила ладонь к металлу — и замок щёлкнул, открываясь сам. Не магия — так, как бабушка учила

её в детстве: «Железо помнит тепло рук. Если ты знаешь, как с ним говорить, оно откликается». Она ступила на лестницу. Деревянные ступени прогнулись под её весом, заскрипели, как живые. Пахло сыростью, землёй и чем-то ещё — сладковатым, как гниющие цветы.

Там, внизу, в темноте, её ждало то, что она искала. Не призрак, не монстр. То, что оставили после себя живые. То, что забыли забрать. То, что росло в тишине, как сорняк, пожирая свет в этом доме.

Вива спускалась, и каждый шаг был шагом к правде. К той самой, которую она умела видеть — и которая иногда была страшнее любого крика.

Часть вторая. Подвал, где хранится крик.

Вива спускалась медленно. Не потому, что боялась — она давно разучилась бояться темноты. Её учили: тьма — это просто отсутствие света. Она не живёт своей жизнью, не дышит, не ждёт. Только то, что мы сами приносим в неё, обретает форму. Она спускалась потому, что каждая ступенька была другой: одна скрипела, как будто под ней лежали сухие кости; другая прогибалась, как сырая земля; третья была холодной, как лёд. Дом говорил с ней. Он рассказывал свою историю через ступени, через воздух, через тот сладковатый запах, который становился всё гуще с каждым шагом.

На дне лестницы было темно. Абсолютно, густо, как смола. Вива остановилась, прислушалась к себе. Её внутренний свет — тот самый, который она носила в груди, как маятник — дрогнул. Не от страха. От узнавания. Здесь было то, что она искала. Не чужое — своё. Отражение её собственной песчинки, выросшей в огромный кристалл.

Она зажгла свечу, и в её руках свет озарил весь подвал — не ярким светом, а тёплым, как свеча, которую зажигают в полночь, чтобы не спугнуть то, что пришло. Свет разлился по подвалу, выхватывая из темноты старые вещи: сломанный стул, ржавую кроватку, детские игрушки, сложенные в угол, и большой сундук. Кованый, с замком, который был открыт.

Вива подошла к сундуку. Он был не старым — он был древним, как этот дом. Его металлические углы почернели от времени, дерево потрескалось, но оно хранило тепло. Человеческое тепло. Она присела на корточки, провела пальцем по резьбе на крышке — и почувствовала. Боль.

Не абстрактная — конкретная, как удар в грудь. Она была такой сильной, что у Вивы перехватило дыхание. Это была не её боль. Она была чужой, но она была здесь — в этом сундуке, в этом доме, в этой деревне, на этой земле. Она ждала. Все эти годы. Ждала, когда кто-то придёт и скажет ей: «Я вижу тебя. Я слышу тебя. Ты не одна».

Вива подняла крышку. Внутри лежали вещи: одеяло, детская распашонка, игрушечный заяц с оторванным ухом, и стопка писем. Перевязанных лентой — выцветшей, голубой, когда-то яркой. Она взяла письма. Развернула первое, второе, третье. Читала быстро, потому что знала: времени мало.

И вдруг у неё перед глазами встала полная картина происходящего в тот день и диалог двоих, тех двоих, которые подвели ту черту.

Он ушёл в обычный вторник.

Дождь шёл с утра — мелкий, противный, тот, что проникает в душу быстрее, чем в одежду. Она стояла на кухне, варила суп, тот самый, который он любил — с фрикадельками и зеленью. Он сидел за столом, пил чай, листал газету. Всё было как обычно. До того самого момента, когда он поднял голову, посмотрел на неё — и она поняла. По глазам. По тому, как они смотрели не на неё, а сквозь неё. Как на пустое место.

— Нам надо поговорить, — сказал он, и голос его был ровным, как поверхность стола, за которым он сидел.

Она не обернулась. Мешала суп, смотрела на пузырьки, лопающиеся в бульоне.

— Ты уходишь? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Да, — сказал он.

Просто. Без объяснений. Без «прости» и «я люблю тебя, но». Просто «да». Как будто она спросила, не хочет ли он ещё чая.

Она выключила плиту. Повернулась. Посмотрела на него — на этого мужчину, с которым прожила семь лет. На его руки, которые когда-то держали её так крепко, что ей казалось, они никогда не отпустят. На его глаза, которые когда-то зажигались, когда она входила в комнату. Теперь они были серыми, как та дождевая пелена за окном.

— Почему? — спросила она. Не с надрывом, не с мольбой. Просто — почему. Как спрашивают, почему кончился хлеб или почему сломался кран.

— Я встретил другую, — сказал он. — Она молодая. Она свободная. Ей не нужно, чтобы я всё время был рядом. Ей не нужно моё внимание, моё тепло, моя забота. Она просто есть. И с ней я чувствую себя живым. С тобой я чувствую себя должником.

Она молчала. Внутри неё что-то оборвалось, но не болезненно — нет, болезнь пришла бы позже. Сейчас была только пустота. Та особенная, которую оставляют после себя люди, когда вынимают из тебя всё, что было вложено, и уходят, не оглядываясь.

— А Анна? — спросила она, кивая в сторону детской, где спала их трёхлетняя дочь. — Ты оставишь Анну?

Он помолчал. Его лицо дрогнуло — впервые за весь разговор.

— Анна — твоя дочь, — сказал он.

— Ты всегда хотела ребёнка больше, чем я. Ты родила её для себя. Я не просил.

Она закрыла глаза. Она помнила тот вечер, когда сказала ему, что беременна. Он тогда не улыбнулся — он нахмурился. Он сказал: «Ты уверена? Может быть, ещё не поздно?». Она не поверила тогда. Она думала, что он шутит. Он не шутил.

— Забирай свои вещи, — сказала она, открывая глаза.

— И уходи.

Он ушёл. Быстро, собирал вещи с таким видом, будто уезжал в командировку. Не глядя на неё, не глядя на дочь, которая проснулась от шума и стояла в дверях детской, сжимая в руках игрушечного зайца.

— Папа, — сказала девочка.

— Ты куда?

Он на секунду задержался. Посмотрел на дочь — маленькую, с её огромными глазами, такими же, как у матери. И в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление. Но оно погасло быстрее, чем зажглось.

— Я скоро вернусь, — сказал он и вышел.

Дверь закрылась. Анна стояла в коридоре, глядя на ту дверь, которая больше не откроется для него. Она ждала. Минуту. Две. Пять. Потом тихо, почти беззвучно, спросила:

— Мама, он не вернётся?

Женщина опустилась на колени, обняла дочь, прижала к себе так крепко, что девочка пискнула.

— Вернётся, — сказала она, и в её голосе была сталь. — Он обязательно вернётся. Просто сейчас ему нужно побыть одному.

Она врала. Она знала это. И Анна знала. Но девочка промолчала, потому что промолчать было легче, чем услышать правду. Они стояли в коридоре, обнявшись, и дождь за окном стучал по стеклу, как будто мир оплакивал их потерю.

Прошёл месяц. Он не вернулся. Не звонил, не писал, не присылал вестей. Исчез — как будто его никогда не было.

Женщина пыталась жить. Варила суп, кормила дочь, водила её в садик, убирала дом. Но внутри неё разрасталась пустота. Она смотрела на пустую сторону кровати, на его чашку на кухне, на его зубную щётку в стакане — и не могла их выбросить. Потому что пока они были там, была надежда. Маленькая, ничтожная, но она была.

Анна видела это. Она перестала просить папу. Она просто смотрела на мать — и молчала. А её молчание было тяжелее любых слёз.

Однажды женщина написала ему письмо. Долго, ночью, когда Анна спала. Она писала о боли, о тоске, о том, как она пытается держаться, о том, что Анна спрашивает про него, о том, что она не знает, как жить дальше. Она не отослала письмо. Оно осталось лежать на столе, сложенное втрое, недописанное.

Потом были другие письма — те, что Вива нашла в подвале. Они становились всё короче, всё отчаяннее.

Девочка наверху, в своей кроватке, ждала. И каждая секунда промедления была ещё одной минутой в темноте.

Письма были адресованы «Анне». Написаны одним почерком — женским, аккуратным, с лёгким наклоном вправо.

«Аннушка, ты спишь? Я не могу уснуть. Я слышу, как ты дышишь за стенкой, и мне становится легче. Прости меня, за вчерашнее. Я не хотела кричать. Я просто так устала. Одна. Всегда одна. Он ушёл, и я осталась с тобой и с этой болью, которая не проходит. Но ты — моя надежда. Ты свет. Ты всё, что у меня есть. Не бойся меня, когда я злая. Это не я. Это она. Эта штука внутри, которая не даёт мне дышать. Я пытаюсь, Аннушка. Ты же видишь, я пытаюсь».

Вива перевернула страницу. Пальцы дрожали — не от холода.

«Мне кажется, я слышу его голос. Он зовёт меня. Говорит, что там спокойно, что я не буду больше чувствовать эту боль. Но я не могу оставить тебя. Ты маленькая. Ты не выживешь одна. Но что, если я возьму тебя с собой? Мы будем вместе. Навсегда. Это ведь не грех — забрать с собой ту, кого любишь больше жизни? Я не знаю. Я не знаю, что правильно. Я знаю только, что не могу больше. Не могу».

Последнее письмо было не закончено.

«Сегодня я пошла в церковь. Священник сказал, что душа моя больна и мне нужно лечиться. Лечиться? Как? Таблетками? Молитвами? Я пробовала всё. Ничего не помогает. Единственное, что помогает, — это когда я смотрю на тебя. Ты спишь, и твои ресницы дрожат во сне. Ты видишь сны, Аннушка? Хорошие? Мне кажется, я скоро уйду. Не хочу, но чувствую. Ты останешься одна. Прости меня. Прости за всё. За те ночи, когда я не подходила к твоей кроватке. За те дни, когда я кричала. За то, что я не смогла стать той матерью, которой ты заслуживаешь. Я люблю тебя. Больше, чем себя. Больше, чем жизнь. Поэтому я ухожу. Чтобы не навредить тебе. Чтобы ты могла жить без этой боли, которую я ношу в себе. Прощай, мой ангел. Прощай».

Вива закрыла письма. Её лицо было спокойным, но внутри неё что-то дрожало. Она знала эту историю. Она видела её тысячи раз — в разных лицах, в разных голосах, в разных городах. Женщина, которая не справилась. Которая ушла. Которая оставила после себя вопрос: «Почему?».

Но здесь, в этом подвале, вопрос был другим. Не «почему она ушла», а «почему она осталась?». Почему её боль не ушла вместе с ней? Почему она живёт в этом доме, в этом сундуке, в детской кроватке, в глазах маленькой Даши?

Вива закрыла письма. Она знала, что Анна выжила. Она выросла, уехала, началась новая жизнь. Но тоска её матери, та самая невысказанная любовь, осталась здесь, в этом сундуке, в этом доме. Она ждала. Ждала, пока кто-то не скажет ей: «Твоя дочь жива. Она справилась. Ты можешь быть спокойна».

Вива подняла с пола куклу — старую, тряпичную, с пуговицами вместо глаз. Кукла была маленькой, как та, что сидела в углу детской комнаты. Вива посмотрела на неё — и вдруг поняла. Это была не кукла. Это была она. Анна. Та девочка, которая выжила. Которая выросла. Которая уехала. Которая продала этот дом, потому что не могла больше здесь оставаться.

— Мать ушла, — прошептала Вива в тишину подвала. — Но она осталась. Не тело — боль. Она оставила её здесь, в этих стенах, в этих письмах, в этой кукле. Она ушла, но её тоска осталась. И она росла и нарастала с каждым днём. Каждую ночь, каждую слезу, каждый крик — она впитывала, как губка. Потому что здесь, в этом доме, была её вера. Её надежда. Её любовь, которая так и не нашла выхода.

Вива закрыла сундук, взяла куклу в руки. Встала, поднялась по лестнице. На кухне было темно, только свет из коридора падал на стол, на чашку с недопитым чаем и нож, оставленный на доске — как будто жизнь прервалась на полуслове.

Она вернулась в детскую. Женщина сидела на стуле у кроватки, её лицо было бледным, руки сжаты в замок. Девочка лежала с открытыми глазами, пустыми и всё такими же безжизненными.

Вива положила куклу на стол.

— Я всё поняла, — сказала она, обращаясь к нынешней матери, но глядя на Дашу.

— Здесь жила женщина. Одна. С маленькой дочерью. Муж ушёл, оставив её с ребёнком. У неё была депрессия. Она не справилась. Она ушла из жизни, оставив дочь. Но её боль не ушла вместе с ней. Она осталась здесь, в этом доме, потому что она не успела сказать дочери то, что хотела: что она любит её. Что она не хотела уходить. Что она надеется, что дочь простит её.

— А девочка? — прошептала женщина. — Та, которую она оставила?

— Её звали Анна. Она выжила. Она выросла. Она уехала и начала новую жизнь. Она жива. Она не знает, что боль её матери осталась здесь. Но она жива, и это главное.

Женщина подняла голову. Глаза её были красными, но она не плакала — она просто смотрела, как человек, который наконец понимает то, что не мог осознать.

— Что мне делать? — прошептала она.

— Ничего, — сказала Вива.

— Я сделаю это сама. Но вы должны быть рядом. С ней. С Дашей.

Когда я закончу, она сразу уснёт, а когда проснётся увидит вас и всё вспомнит. Вспомнит, что она не одна и всё хорошо.

В детской комнате было тихо. Вива подошла к кроватке, села на пол рядом с девочкой. Положила куклу на одеяло, рядом с маленькой ручкой.

Женщина сидела у кроватки. Даша лежала с открытыми глазами, но они были пустыми. И в этой пустоте Вива вдруг увидела то, чего не замечала раньше. Не просто отсутствие — присутствие. Девочка не была пустой. Она была переполнена. Чужой болью. Чужим страхом. Чужой тоской, которая въелась в стены и не давала ей дышать. Даша не спала, потому что не могла спать. Каждую ночь она чувствовала, как что-то чужое ворочается в углу, плачет, зовёт. Оно не хотело пугать. Оно просто хотело, чтобы его услышали. Но для пятилетнего ребёнка это было слишком. Ей было страшно, и она думала, что никто не сможет ей помочь, и Даша замолчала. Не от страха — от переполнения. Она не могла вынести чужую боль, поэтому закрылась. Как закрывают дверь, когда в дом ломится слишком громкий шум.

— Даша, — сказала она тихо, но твёрдо. — Ты видишь ту девочку в углу?

Даша не пошевелилась, но её пальцы на одеяле дрогнули.

— Та девочка — не ты, — сказала Вива.

— Она — тень. Тень той женщины, которая жила здесь. Она не злая. Она просто грустная. Она ждала, чтобы кто-то сказал ей то, что она не успела сказать своей дочери. Ты можешь помочь ей. Скажи ей: «Твоя Анна жива. Она справилась. Она выросла. Ты можешь быть спокойна. Иди».

Долгая тишина. Женщина замерла, не дыша. Даша лежала неподвижно, но её глаза — пустые, ничего не видящие — вдруг наполнились. Не слезами, светом.

— Мама, — сказала девочка. Голос был тихим, хриплым, как у человека, который долго молчал. — Мама, я вижу её. Она плачет. Она говорит, что боится. Что она не хотела уходить.

— Она… она плачет, — сказала Даша, и голос её был тонким, как колокольчик.

— Она говорит: «Я не знала, что она жива. Я думала, что она пропадёт без меня. Я так сильно этого боялась».

— Скажи ей, что она не пропала, — сказала Вива.

— Скажи, что Анна сильная. Что она простила свою мать. Что она не держит зла.

Даша замолчала. Её лицо было сосредоточенным, как будто она слушала кого-то невидимого. Потом она улыбнулась — впервые за три месяца.

Женщина у кроватки замерла. Её лицо исказилось — от ужаса, от надежды, от неверия.

Даша повернула голову и посмотрела на угол комнаты. Там, где раньше была только тень. Вива не видела того, что видела девочка. Но она чувствовала, как воздух в комнате начинает меняться — становиться легче, чище, прозрачнее.

— Она уходит, — сказала Даша.

— Она говорит «спасибо». Она говорит, что теперь может быть спокойна. Что она будет ждать нас там. Что мы встретимся.

Она замолчала. Её глаза закрылись — впервые за три месяца. Её дыхание стало ровным, глубоким — таким, каким оно бывает у здорового ребёнка, который наконец-то уснул.

Вива встала. Подошла к нынешней матери, положила руку ей на плечо.

— Всё, — сказала она. — Тень ушла. Она больше не вернётся. Ваша дочь заговорит. Она будет здоровой. Ей просто нужно было помочь той женщине сказать то, что она не успела.

— Она будет спать, — сказала она. — И когда проснётся, она будет помнить, что вы есть. Что вы вместе. Что она не одна. То, что жило в этом доме — ушло. Навсегда. Вам больше нечего бояться.

Женщина заплакала — впервые за три месяца, наверное, за всё время, что они жили в этом доме. Плакала тихо, как плачут после долгого пути, когда наконец видишь свой дом.

Вива оставила их. Вышла в ночь. Дождь кончился, ветер стих, и небо начинало светлеть — там, за горизонтом, где рождался новый день. Она шла по мокрой тропе, и в её руке была кукла. Та самая, которую она взяла из сундука.

— Отдыхай, — прошептала она кукле. — Ты заслужила покой.

Эпилог. Через год.

Они приехали снова — мать и дочь, счастливые, живые. Даша бегала по саду, собирала яблоки, смеялась звонко. Вместе с ними был кто-то третий — молодая женщина, лет тридцати, с глазами, в которых стояла тихая благодарность.

— Это Анна, — сказала мать Даши.

— Та самая. Та, чья мать ушла. Мы нашли её через соцсети. Она живёт в соседнем городе. Она не знала, что её мать оставила в этом доме боль. Но она приехала, чтобы сказать «спасибо». И чтобы попрощаться с тем местом, где всё началось.

Анна подошла к Виве. Её руки дрожали, когда она протянула небольшой свёрток.

— Я нашла это в вещах матери, — сказала она.

— Её дневник. Я прочитала его. В нём мама писала про меня, про свою любовь ко мне. Про свой страх. Мама не была злой — она была больной. Я не знала. Я думала, что она меня бросила. А она пыталась спасти.

Вива взяла дневник. Ей не нужно было его читать — она и так знала.

— Оставь его себе, на память.

— Твоя мать очень любила тебя, — сказала Вива.

— И ты простила её.

— Да, — кивнула Анна.

— Я простила её.

И себя простила — за то, что злилась на неё все эти годы. Наверное, это и есть самое главное. Они пили чай на кухне, под стеклянным куполом, где зимнее солнце рисовало золотые

узоры на стенах. Даша принесла рисунок — кривое, но яркое солнце, раскрашенное всеми цветами радуги.

— Это вам, — сказала она, протягивая листок.

— За то, что вы пришли. За то, что не боялись. За то, что показали мне, как уходит страх.

Они стояли в саду, смотрели на закат. Три женщины — мать, дочь и та, что помогла им всем обрести покой. И где-то там, за горизонтом, в тишине, которую никто не нарушал, была та, первая, которая наконец-то могла улыбнуться. Потому что её Анна жила, любила и прощала.

Вечером Вива проводила их до калитки со словами — Приходите, если будет трудно. Или, когда будет легко. Или, когда просто захочется чая. Она вернулась в мастерскую и повесила рисунок Даши на стену, как напоминание об этой истории — это была история про «боль», которая не могла покинуть этот мир. О доме, который хранил крик. О женщине, которая не справилась. О девочке, которая научилась говорить «я не боюсь».

Вива села в кресло, налила себе травяной чай с розмарином, листочки мяты, кусочками лимона и ягодами земляники, посмотрела в окно, где начинался новый день. И подумала: «Иногда помощь — это не когда ты даёшь человеку ответ. Это когда ты сидишь рядом, пока он ищет его сам. И когда он находит — ты просто улыбаешься и говоришь: «Я знала, что ты сможешь».

Глава 2. Вива Рыжеборрдая.

Дверь не издала ни звука, когда чужак приложил ладонь к медной пластине. Дом знал: этот человек не был зван, но впустил его — возможно, для того самого разговора, который назревал уже давно. Система видеонаблюдения полностью окутывала дом со всего периметра, система доступа была настроенная на биометрию Вивы и ещё нескольких доверенных лиц, но всё же имела один слепой режим входа во двор через калитку: «впустить того, кто переступит порог с открытой душой». У этого порог души был не просто закрыт — заколочен, но всё-таки ему удалось проникнуть во двор. Видать очень уж было надо.

Он ворвался в мастерскую, даже не потрудившись оценить пространство: панорамные окна, за которыми осень тихо роняла листья, интерактивную панель на стене с медленно плывущими облаками, стеллажи с травами, соседствующие с графическим планшетом. Для него это была просто «лавочка странной бабы», а он — хозяин жизни, привыкший получать всё.

— Мне нужно зелье, — с порога заявил он, не поздоровавшись.

Вива даже не повернула головы. Она стояла у стола, перебирая пучки сушёного зверобоя, и лишь краем глаза отметила его костюм — дорогую ткань, которая не спасала от дешевизны внутри. На вид около пятидесяти, квадратная челюсть, глаза навыкате, в руках — конверт, который он с размаху шлёпнул на стол.

— Там достаточно, — добавил он, кивая на конверт.

— Чтобы вы забыли о своих принципах и сделали, что просят.

— Вы даже не знаете, о чём будете просить, — произнесла она негромко. Голос её был низок и спокоен, но в нём уже звенела та струна, что заставляла людей либо замолкать, либо говорить правду.

— Любовное зелье, — выпалил он. — Для одной... девушки. Молодой. Чтобы ко мне потянулась. Сама. Думаете, я не знаю, что такие вещи делают?

Вива медленно подняла на него взгляд. Малахитовая зелень её глаз будто впитала в себя свет из панорамного окна и теперь отражала его обратно — холодно, прицельно, прожигающе.

Вива перевела взгляд на конверт. Её тонкий палец с кольцом из резного агата легко коснулся бумаги.

– Хм, щедро, – кривя губы в презрительной ухмылка, сказала Вива.

И на глазах у гостя конверт начал менять форму, фактуру, цвет. Бумага стала шершавой, края истончились, и через мгновение на столе лежал не конверт с деньгами, а горка сухих, шелестящих кленовых листьев — тех самых, что ветер гонял за окном. Он даже не понял, что произошло.

Ваша страсть, — произнесла Вива, и голос её теперь резал, как скальпель, — пахнет не потом и не кровью. Она пахнет скукой и желанием купить то, что не продаётся.

Она увяла, еще не успев расцвести. То, что вы хотите, не зелье, а насилие. Я не помогаю насильникам. Невозможно заставить человека делать то, чего он не хочет, против его воли. Я не буду помогать тебе.

— Забирайте свой конверт и уходите.

Ошеломленный мужчина попятился. Его квадратная челюсть отвисла, он переводил взгляд с конверта на ведьму и обратно, пытаясь найти объяснение фокусу с листьями, но мозг, привыкший к примитивным схемам «деньги-товар», отказывался работать.

— Ты... вы... — забормотал он.

— Уходите, — коротко бросила Вива. — Вы тревожите покой моих мхов.

Он уже взялся за ручку двери, когда её голос настиг его снова — мягче, но оттого ещё страшнее:

— Если принесёте тоску — поговорим. И прихватите свою совесть. Я чувствую, она заблудилась где-то у вашего дома. Или у той молодой девушки, которую вы уже пытались купить. Скривив губы в едва уловимой, сухой как осенний лист, ухмылке, Вивиана лёгким движением пальцев поправила на груди старинный серебряный малахитовый амулет – который так явно отражал цвет её малахитовых глаз, в котором, казалось, навеки застыл первый вопросительный взгляд мира. Металл был тёплым от её прикосновения, живым.

Затем, не удостоив мужчину больше ни взглядом, ни словом, она плавно развернулась к нему спиной, будто закрывая не дверь, а целую главу ненужного разговора. Складки её платья цвета грозового неба зашелестели, словно листва предостерегающе, а в воздухе повис не вызов, а окончательный вердикт: аудиенция завершена. Дверь за ним закрылась с едва слышным электромагнитным щелчком — дом сам проводил незваного. А Вива уже смотрела на интерактивную панель, где всё так же медленно плыли облака. Её мысли были далеко — там, где семь лет назад оборвалась нить, связавшая её с Любомиром. А затем её внимание уплыло вглубь мастерской, к тихому диалогу с травами на полках и памяти, что была куда честнее любого живого собеседника.

— Денежные мешки, — тихо сказала она самой себе, усмехнувшись устало.

— Времена меняются, а люди — нет. Всё те же попытки купить душу, не имея своей.

Она протянула руку к пучку зверобоя, и в её жесте скользнула та самая усталая, всё понимающая мудрость.

Вива, так звала её бабушка. Слово-семечко, из которого выросло всё. Не полное, важное «Вивианна», а короткое, такое тёплое, нежное и домашнее — «Вива». "Вивианна" — имя, связанное с волшебством и природой. Бабушка говорила, что это не просто имя. Это пожелание. Viva — «живи», «живая». Живи ярко, живи сильно, живи так, чтобы твоя жизнь сама становилась светом, изучая этот свет для людей. Бабушка, чьи волосы были уже не огненными, как раньше, а седыми, словно пепел от костра, произносила это слово с особой интонацией. В нём слышалось и призыв, и благословение, и напутствие.

— Вива, дитя моё, солнце уже в зените, — будила она девочку, и имя звучало как приглашение к новому дню.

— Вива, не бойся, твой огонь — он внутри, — шептала она, когда девочка пугалась своих первых, неконтролируемых вспышек света после которых появлялась видения. И имя становилось заклинанием защиты.

— Помни, Вива, — говорила она уже серьёзно, глядя ей в зелёные, как свои собственные, глаза. — Наш свет — не для ослепления. Он для того, чтобы видеть. Видеть суть. Видеть всю правду. Даже если она неудобная. Даже если она причиняет боль, как от слишком сильного солнечного ожога. И когда бабушка ушла, растворившись в золотистой дымке осеннего леса, оставив ей только старый платок, пахнущий дымом и мятой, и это имя — оно перестало быть просто сокращением. Оно стало титулом сердца. Глубоким, тайным и сокровенным. Его могли использовать только близкие, те, кто прошёл проверку её внутренним светом и не отвернулся. Услышать от кого-то «Вива» — значило ощутить прикосновение доверия. Это было напоминанием о корнях, о той простой мудрости, что предшествовала титулу «Рыжеборрдая».

«Рыжеборрдая» — не фамилия, а прозвище-титул, которое дали предки за огненный цвет волос и мудрость, подобную седой бороде старца. Она носит его с гордостью.

«Вивианна Рыжеборрдая» — это звучало для мира. Для просителей, для тех, кто приходил за мудростью или судом. Это был полный титул, знамя, имя-обязательство. Но «Вива»… Это было имя для самой себя. Для тихих разговоров с памятью о бабушке у очага. Для мимолётных, редких мгновений усталости, когда хотелось быть не Солярисом, а просто женщиной. Для того, кто однажды, может быть, сумеет пройти сквозь её свет и увидеть не только ведьму, но и ту девочку, которую будили словами «живи». Милую, добрую и в то же время сильную,

мудрую и справедливую, готовую защитить слабого, открыть глаза невидящему и помочь затерявшемуся во тьме.

И когда в редчайшие моменты полного покоя, глядя на закат, она шептала сама себе: «Всё в порядке, Вива…», — в этом была вся нежность, вся уязвимость и вся несокрушимая сила, посеянная когда-то одним простым словом.

Перед вами женщина, чей возраст — не отметина, а отточенная форма. Лет сорока, чуть более, но выглядит она на вечность, воплощенную в зрелой женственности. Красота её не из тех, что спокойно взирает с полотен. Она тревожит, как отблеск пламени на стене, притягивает, как глубина старого леса, и обжигает, если подойти слишком близко к сути.

Лицо её — красивый овал с высокими, благородными скулами, кожей цвета старого пергамента, тронутого лёгким, красивым загаром. Черты ясные, спокойные, но в уголках губ и у глаз затаились лучики мелких морщинок — следы тысяч улыбок и мгновений глубокой, пронзительной концентрации. Когда она сосредоточена, её взгляд становится тяжёлым, очень глубоким и осязаемым, а в минуты доброты — всё лицо смягчается теплом, которое нежно обволакивает и исходит изнутри.

Но истинную корону её составляет грива волос. Не просто рыжие. Это пламя в середине осени — медь, каштан, темное золото.

Они — объяснение её титула. Это не просто рыжие волосы. Это медная река, поток жидкого янтаря, пламя, пойманное и заплетённое в густые пряди. В полумгле они тлеют, как угли, на солнце — полыхают, ослепляя чистотой и силой цвета. Она носит их по-разному: то собранными в тяжёлую, сложную косу, что лежит на плече, как корень мудрого древа, то распущенными — и тогда они обрамляют её голову нимбом, живым и подвижным.

Они никогда не бывают идеально убраны: пара локонов всегда вырывается из элегантной палочки-шпильки, которую она часто использует для волос, и для заклинаний, будто сама ее энергия не удерживается.

Высокая и стройная, с осанкой пианистки или фехтовальщицы, она двигается бесшумно и целеустремленно, как хищная кошка в темноте, но без угрозы, а с уверенностью силы, которой нечего доказывать.

Её главный инструмент и зеркало души — глубокие, зелёные глаза. Не изумрудные и не бирюзовые, а цвета малахита, цвета тихой лесной глубины. Но в этой зелени живёт иной свет.

В состоянии покоя, когда она слушает, созерцает или творит свою благую магию, в глубине глаз загорается тёплый, медово-янтарный свет. Он притягивает, как очаг в стужу, успокаивает, обещая понимание и безопасность. В эти минуты её взгляд «журчит», он мягко обтекает собеседника, смывая напряжение.

Но если её дух взволнован, если перед ней встаёт ложь, несправедливость, чёрствость — свет меняется. Он не гаснет, нет. Он леденеет. Тёплый янтарь превращается в колющий, нестерпимо яркий луч полярного сияния. Зелёная глубина становится непроглядной, как лёд над бездной. Этот взгляд сковывает. Он не читает — он сканирует, проникает, вымораживает ложь до самого корня. Он не требует ответа — он его уже знает. Это взгляд, который не обсуждает, а ставит точку, после которой возможно только молчание или признание.

Их необычный блеск — это не магия, а гипернаблюдательность, которая сканирует изнутри, как сканер анализирует и исследует объект. Кажется, она видит не только тебя, но и тень от твоих мыслей, пыль на твоей душе и тот самый корень проблемы, который ты сам от себя прячешь. От ее взгляда становится одновременно тепло и не по себе.

Добрая, но не мягкая. Ее доброта — это действие, а не сентимент. Она поможет, но сделает это так, чтобы человек выучил урок. Может дать зелье от тоски, но в рецепт добавит щепотку перца, чтобы клиент, плача от «остроты», наконец, выпустил эмоции.

Дерзкая и бесстрашная. Не терпит несправедливости, лицемерия и пассивности. Может сказать церковному фанатику: — «Ваша ряса пропитана таким страхом, что мои травы вянут от запаха. Пройдитесь по росе, прежде чем судить о солнце».

Остроумная и точная. Ее слова «бьют до костей», потому что она называет вещи своими именами, снимая все слои самообмана. Фраза не для оскорбления, а для прорыва к сути. «Ты не хочешь вернуть мужа, — может сказать она плачущей жене. — Ты хочешь вернуть ощущение, что ты не одна. Это дешевле и доступнее. Начни с чая с мятой по утрам и разговора с зеркалом».

Усталая мудрость. В ее зеленых глазах живет тихая грусть знающей. Она видела слишком много человеческих глупостей, но все еще верит в искру внутри каждого. Эта вера и держит ее.

Её дом не прячется. Он утверждается. Он стоит на окраине старого города, там, где городские кварталы сменяются диким парком и обрывом над рекой. Не избушка в лесу, а что-то напоминает бывшую обсерватории XIX века — круглое каменное здание с куполом, некогда заброшенное, а ныне превращённое в нечто иное. Место, где когда-то смотрели на звёзды, идеально подошло для того, кто черпает силу у солнца.

Это своего рода цилиндр из старого кирпича с панорамными окнами в чёрных металлических рамах, врезанными там, где раньше были амбразуры для телескопов. Купол теперь не открывается, но его покрыли матовым стеклом с золотистым напылением. Днём он отражает небо, ночью — мягко светится изнутри, как гигантский светильник. Подход к дому — это не тропинка, а мостовая из крупных светлых плит, между которыми пробивается не газонная трава, а дикоросы: тысячелистник, душица, клевер, подорожник. Они растут в строгих геометрических линиях, создавая живой, дышащий узор. Границу обозначает коварный забор с массивными столбами из кирпича, увитый диким хмелем и плетистыми розами с медно-рыжими цветами. У входа вместо клумбы — керамические сосуды причудливой формы, где буйствуют пряные травы и лекарственные растения с серебристой листвой.

Дверь — большое массивное полотно из состаренной бронзы и матового стекла. Ни звонка, ни домофона. Лишь медная пластина с едва заметным углублением для ладони. Приложив ладонь, вы сразу же проникаете в необыкновенное пространство изящества, волшебства, магии и красоты.

Переступив порог, попадаешь в единое, светлое пространство под самым куполом. Здесь царит минимализм, одухотворённый природой. Пол, идеально ровный, его зеркальная поверхность, отражающая свет и создающая эффект бесконечного пространства напоминают гладь озера. Цвет — холодный, молочно-белый с едва уловимым серо-голубым подтоном, как тонкий слой инея при холодном рассвете. По нему приятно идти босиком — он всегда чуть прохладный, но не леденящий, а освежающий. По утрам на него падают солнечные зайчики, танцующие от преломления света в окнах, а вечером в нём тонут отражения парящих световых шаров, удваивая магию освещения. Кажется, будто пол — это не поверхность, а застывшее, идеально гладкое озеро, в котором живёт отблеск неба.

Структурная штукатурка цвета «выбеленный лён» и панели из натурального дуба.

Никакого голого кирпича. Стены гладкие, матовые, тёплые на ощупь, с лёгкой, едва заметной фактурой, словно сотканной из тонких нитей. Это спокойный, нейтральный фон, который не соперничает, а подчёркивает.

Иногда между панелями встроены скрытые ниши с подсветкой, где выставлены её «инструменты»: глиняная чаша, ветка причудливой формы, коллекция солнечных камней.

В рабочей зоне часть стены представляет собой магнитную грифельную поверхность тёмно-зелёного, почти лесного оттенка, где она мелом рисует схемы, формулы трав или пишет напоминания. Это единственный элемент с «грубой» фактурой, островок тактильности и свободы в идеально гладком пространстве.

Общее впечатление: Чистота, ясность, безмятежность. Пространство, где ничто не отвлекает, а каждая поверхность работает со светом — отражает, смягчает, направляет. Это холст, на котором её собственная яркая энергия и магия раскрываются ещё сильнее. Современно, минималистично, но без стерильности — благодаря тёплым текстурам дерева и скрытым в нишах природным элементам.

Главный источник света: Купол. Изнутри он покрыт сотнями маленьких золотистых дисков (из анодированного алюминия и тонкого янтаря), которые улавливают и преломляют каждый солнечный лучик. Днём здесь царит рассеянное, тёплое, движущееся сияние, как внутри солнечных часов. Вечером включаются скрытые светодиоды, и купол превращается в карту звёздного неба, где самые яркие «звёзды» выстроены в узоры древних солнечных символов.

Кухня- алтарь: Современная кухонная станция из чёрного матового металла и светлого дуба. Всё безупречно чисто и функционально: индукционная панель, хлебопечка, мощная вытяжка. Но на открытых полках среди дизайнерской керамики стоят глиняные крынки, плетёные корзины, ступка из цельного агата. Центр — огромная столешница из слэба светлого дуба, где она готовит, сушит травы и работает. Над ней висит не люстра, а конструкция из медных трубок и ампул, в которых прорастают черенки растений в питательном геле — симбиоз химии и магии роста.

В гостиной расположен низкий диван огромных размеров, обтянутый плотной кожей цвета горького шоколада, груды подушек в чехлах из неотбеленного хлопка. Вместо журнального стола — плоская столешница незаурядной формы из окаменелого дерева на металлической подставке. На нём — ноутбук в кожаном чехле, графический планшет для набросков символов и стаканчик с карандашами. На стене — не телевизор, а огромная интерактивная панель, которая чаще всего показывает то медленно плывущие облака, то увеличенные кадры роста растений, то сложные мандалы из света.

У панорамного окна, выходящего на парк, стоит длинный стол из светлого дерева и эргономичное кресло, которое она облюбовала в своём кабинете. Но вокруг — не стеллажи с книгами. Знания хранятся в цифровом архиве, огромный монитор, внешние диски и в физических «носителях»: коллекция камней и минералов на световой панели, гербарии, заламинированные в прозрачный пластик и развешанные как арт-объекты, древние свитки, отсканированные и обработанные, лежащие под стеклом.

Спальня отделена не стеной, а полупрозрачной ширмой из японской бумаги «седзи» на стальном каркасе. Кровать-платформа с ортопедическим матрасом, бельё только из натуральных тканей. Рядом — умный светильник, имитирующий рассвет, и колонка, из которой льется ambient-музыка со звуками леса и синтезаторными пассажами. В изголовье — единственная «старомодная» вещь: шкатулка из морёного дуба с бабушкиным платком.

Сердце дома — зимний сад и купель: в пристроенной части здания, находится её святилище. Это застеклённая терраса, превращённая в тропический оазис. Здесь среди фикусов, папоротников и цитрусовых деревьев стоит современная купель из черного каменного композита с системой фильтрации и подогрева. Вода в ней не светится золотом — она облучается специальными УФ-лампами с определённым спектром, который Вива настроила под свои нужды для очищения и подзарядки. Рядом находиться хаммам-парогенератор и душ с дождевой насадкой, где она смывает остатки городской энергетики.

Технологии, служащие природе:

Всё здесь пронизано умными системами, но они не правят балом, а служат. Умный дом поддерживает идеальный микроклимат для растений и Вивы. Сенсоры следят за чистотой воздуха и по мере надобности включают ионизатор. Солнечные панели на части крыши обеспечивают автономию бесперебойного электропитания. Даже музыка и свет реагируют на её биоритмы, снятые с умного браслета, который Вива приобрела в одной из поездок в Испанию.

Это дом не бегства от мира, а уверенного присутствия в нём. Это лаборатория современной природной магии, где Wi-Fi соседствует с вороньим пером, множеством разновидными травами, а ритуалом очищения может быть сеанс в купели и медитация под специально написанный алгоритмом звуковой ландшафт. Здесь живёт Вива Рыжеборрдая — ведьма, чья мудрость уходит корнями в почву веков, а взгляд устремлён не в прошлое, а в ясное, технологичное, осознанное будущее.

Вивианна Рыжеборрдая — это живое солнце в человеческом обличье. От неё не исходит мистический туман или запах трав — от неё веет чистотой, теплом и страшной ясностью. Возле неё тихо. Стихают ложные мысли. Она не колдует — она проясняет и вносит понимание. Её магия — в том, чтобы направить внутренний свет человека на его же тьму, вырастить решение из зёрнышка осознания, заставить правду расцвести, даже если этот цветок будет жестоким и болезненным, как ожог.

Она — садовница душ, судья без суда, целительница, чье лекарство порой жжёт сильнее болезни. И всё это — Вива Рыжеборрдая, чьи волосы — пламя, чьи глаза — лес и лёд, а голос способен быть и ручьём, и потопом.

Её магия: Основана на свете, росте и истине.

Может "вырастить" воспоминание в виде цветка из дыма, чтобы человек увидел его со стороны.

"Замешивает" правду в тесто для пирога — съевший его не сможет лгать самому себе.

Ее зелья часто требуют личного вклада клиента: слезу, смех, глубокий выдох или обещание.

Ее сила питается честностью и действием. Помогая, она тратит часть собственного внутреннего света, отсюда моменты тихой усталости. Восстанавливает его в одиночестве, купаясь в лунном свете или стоя босиком на земле на рассвете.

Глава 3. Незабываемая встреча.

Тот день был похож на спелый, тёплый абрикос. Солнце висело в бездонной небесной синеве не как ослепительное око, а как ласковая ладонь, греющая землю до самой сердцевины. Воздух дрожал над лугами, напоённый запахом цветущего донника, сухой полыни и мёда — будто сама природа выдохнула и замерла в блаженстве. Даже тени под старыми дубами были не холодными, а бархатистыми, лиловыми, словно приглашали прилечь и раствориться в этом золотом покое.

Вива шла по краю леса, ощущая кожей каждый луч, каждый вздох ветерка. Она была не просто в гармонии с этим днём — она была его частью. Она, часто прогуливаясь по лесу, особенно по утрам и могла проводить там добрую половину дня. Соки земли пульсировали у неё в крови, шепот листьев отзывался в уме. Но сегодня был особенный день. Сегодня в её мире, обычно таком полном и самодостаточном, зияла тихая, почти неосознаваемая пустота. Ожидание. Как будто не хватало одного цвета в радуге, одного звука в симфонии трав.

И вот она увидела его. Он сидел на склоне холма, у старого межевого камня, поросшего мхом, и что-то быстро рисовал в походном альбоме. Но не пейзаж. Он смотрел не на бескрайние дали, а вниз, на свои руки, на стебельки подорожника и клевера, собранные у его ног. Он был поглощён не величием, а деталью. И в этой сосредоточенности было что-то настолько родственное её собственному вниманию к миру, что сердце Вивы сжалось, а потом забилось странно и гулко, как далёкий барабан перед грозой, которой не будет.

Она подошла тихо, но он почувствовал. Не услышал шагов — их не было, земля принимала её, как родную, — а почувствовал. Он поднял голову. И время остановилось.

Это не была красота в привычном смысле. Это была правильность. Рыжие волосы, вскло-ченные ветром, словно языки пламени, ещё хранящий тепло огня. Глаза цвета глубокого мала-хитового камня.

Цвет её глаз нельзя было назвать просто зелёным. Это был сложный, глубокий оттенок малахита, отливавший на свету тёплым бархатисто-золотистым блеском.

В них не было ни страха, ни обычного для людей суеверного любопытства при виде «ведь-миных» рыжих волос и слишком зелёных, знающих глаз. В них была тихая, ясная глубина, в которой отражалось небо, трава и она сама — не как странность, а как часть этого полотна.

Её тело — воплощение природной, несуетной силы. Стройная, почти воздушная фигура, но в каждом движении чувствуется упругость ивового прута, выносливость долгой путницы. Ни одной резкой линии, только плавные изгибы — плеч, шеи, спины. Она не занимает про-странство — она протекает через него. Её походка — это лёгкое, летящее скольжение. Кажется, она не отталкивается от земли, а следует по невидимой, освещённой лишь для неё тропе. Пятки едва касаются пола, платье не шуршит, а шелестит, словно листва. Она появляется неожи-данно, будто материализуясь из солнечного луча.

Её жесты — это продолжение мысли, знаки на невидимом языке истины.

Мягкий взмах руки, открывающий ладонь — указание пути, словно она расчищает завесу перед потерявшимся.

Плавное движение, останавливающее речь собеседника — приглашение к тишине и внут-реннему слушанию.

Чёткий, отточенный жест, рубящий воздух — окончательный вердикт, отсечение лжи, как секатором отсекают больную ветвь.

— Ты рисуешь не то, что видишь, — сказала Вива, и её голос прозвучал хрипловато, будто она давно не пользовалась им для чего-то настоящего.

Её голос — прямой проводник её силы.

В обычной речи он низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, словно от шепота с лесными духами. Он течёт, как ручей: мягко, убедительно, завораживающе добро. Он убаюкивает боль, вливает уверенность, выращивает надежду.

Но когда пробуждается её гнев — гнев не личный, а гнев самой Правды — голос преображается. Он не становится громче. Он становится глубже, звонче и страшнее. В нём появляется металл, резонанс колокола, гул надвигающейся бури. Он вибрирует в костях. Этим голосом она не спорит. Она констатирует. Он сковывает, как мороз, и обжигает, как ультрафиолет, заставляя содрогнуться самую чёрствую душу. В нём слышится рокот цунами ясности, которое вот-вот накроет всё ложное и наносное.

— Ты рисуешь то, что они чувствуют? Мягко произнесла она, заправляя за ухо рыжую прядь, выскользнувшую из-под платка, словно лучик, не желавший прятаться…

Он не удивился. Он кивнул, и в уголке его губ дрогнула тень улыбки.

— Подорожник — это стойкость. Его сила — в умении выживать под любым натиском. А клевер… он шепчет о связи. О том, что ничто не существует отдельно.

Он перевел взгляд на неё, и взгляд этот был осязаем, как прикосновение.

— А ты… ты похожа на полынную грозу. Запах дождя, горькая сила и… свет. Особенный свет.

Он сказал это так просто, как констатировал бы факт. И в этой простоте не было лести, лишь чистое наблюдение художника, увидевшего суть.

Вива подошла ближе, и солнце, пробиваясь сквозь листву, заиграло в её рыжих волосах живым огнём.

Она села рядом, не спросив разрешения. Её магия, всегда клокочущая под кожей тихим потоком силы, не насторожилась, не приготовилась к защите. Она… затихла. Замерла в благоговейном ожидании, будто перед ней открыли книгу на самой важной странице.

— Меня зовут Любомир, — сказал он, откладывая альбом. И протянул руку — не для рукопожатия, а ладонью вверх, открытой, как страница.

Она медленно опустила свою руку в его ладонь. Прикосновение её пальцев — всегда осознанно. Оно может быть лёгким, как солнечный зайчик, несущим облегчение, или тяжёлым, как печать, закрепляющей данное слово.

И это было не прикосновение, а смычка. Не вспышка страсти, а мгновенное, всепоглощающее узнавание. Тепло его кожи проникло не просто в её плоть, а в саму глубину её существа, в ту одинокую, древнюю душу, что помнила пещерные костры и шёпот первых трав. Его линии жизни сплелась с её судьбой, его тишина встретила её бурлящую внутреннюю мощь — и не подавилась, не испугалась, а приняла, как земля принимает дождь.

Она, знавшая язык ветра и корней, в этот миг забыла все слова. Её любовь — дикая, глубокая, как лесная чаща, и древняя, как камни, — раскрылась не цветком, а целым миром. В ней была нежность мха к стволу дерева, ярость реки, пробивающей себе путь, терпение вековых холмов и внезапная, ослепительная яркость молнии, разрезающей ночь. Это была любовь не «несмотря на», а «потому что». Потому что он видел. Потому что он не боялся. Потому что в его присутствии её сила не ощущала себя проклятием или бременем, а становилась просто… частью дня. Частью этого тёплого, спелого, абрикосового дня.

Этот тёплый, абрикосовый день стал прологом к целой жизни — жизни, сотканной из красок, магии и тихих чудес.

Любомир — он не был воином. Его оружием были кисть и краски, смешанные с растертыми в пыль целебными травами, слезами папоротника и тихими заговорами, которые она шептала ему на ухо.

Он рисовал исцеляющие картины. Их встреча не была случайностью. Это было возвращение на круги своя. С того дня они почти не расставались. Любомир поселился в её доме,

который сразу перестал быть просто домом ведьмы, а стал мастерской, где творилась двойная алхимия.

Они нашли удивительный синтез. Вива чувствовала болезнь, проникала в её суть — не только физическую, но и душевную, ту тень, что отбрасывал недуг на душу человека. Она говорила об этом ночами, шептала на ухо Любомиру, пока он, прикрыв глаза, вслушивался не в слова, а в самую сердцевину её понимания.

Его картины не были портретами. Они были картами исцеления.

Для старика Петра, чьё сердце заледенело от тоски после смерти жены и начало сдавать, Любомир написал «Ледоход на реке Весне». Холодные, сизые глыбы льда, но сквозь их толщу уже пробивалось яростное, неудержимое солнце, и в каждой трещине цвела первая, хрупкая трава-мурава.

Петр смотрел на картину, и лёд в его собственной груди начинал трещать, сменяясь щемящей, но живой болью воспоминаний о любви, а не о потере. Сердце, научившееся снова чувствовать, начинало и лучше биться.

Для ребёнка, которого мучили ночные кошмары после пожара, Вива выявила страх перед всепожирающим, безликим пламенем. Любомир написал «Очаг». Не бушующий пожар, а уютный, тёплый огонь в камине, вокруг которого спали ручные львята, а дым, поднимаясь к звёздам, превращался в созвездие Хранителя. Ребёнок увидел не уничтожение, а тепло, защиту и укрощённую стихию. Кошмары отступили.

Для старого Григория, чьи суставы скрипели, как старые ворота, он изобразил гибкий молодой дуб, согретый солнцем, — и боль отступала. Для маленькой Маринки, травившей тоску по умершей матери, он написал луг, где девочка держала за руку светящуюся тень-надежду — и девочка снова стала улыбаться.

Он был её второй магией, её тихим отражением. Его искусство делало её дар осязаемым, вещественным, его можно было повесить на стену и черпать из него силы, как из источника.

Прошло уже семь лет. Семь оборотов земли вокруг солнца, семь циклов убывания и роста луны. Для мира – срок. Для памяти, вскормленной той песчинкой, – мгновение. Она всё ещё чувствовала тепло его ладони на своей щеке. Всё ещё слышала последний шёпот, не ушами, а той частью себя, что была с ним навсегда сплетена: «Не гаси свой свет, Вива».

Но свет её горел теперь другим, острым и ледяным пламенем. Пламенем вины, которое было единственным способом говорить с тем миром, который забрал у неё Любомира. Не молитвой, не мольбой, а действием. Мир людей требовал жертв, и она приняла его правила, став его орудием. Она помогала им теперь не только травами и добрым словом, но и гневом, обрушенным на обидчиков. Так она разговаривала с миром. Так она помнила его.

Его убила не злоба, не зависть и не месть. Его убила абсолютная, издевательская случайность.

Это был обычный день. Он возвращался из соседней деревни, куда отнес готовую картину для больного лихорадкой ребенка. Шёл по окраинной дороге, почти тропе. В руках — пустой подрамник и коробка с красками. В голове — эскиз новой работы, которую они задумали с Вивой. Он улыбался.

А на ухабистой дороге, которую городские власти годами чинили наскоро, произошло вот что. Старый, изношенный водовод под полотном, от которого давно отказались, наконец сдался. Земля под асфальтом просела, образовав коварную пустоту. В это же время грузовик с лесом, перегруженный и мчащийся с нарушениями, налетел на яму, которую водитель заметил слишком поздно. От резкого удара лопнул небрежно закрепленный трос. Длинное, тяжелое бревно вырвалось из пачки, как копье, пущенное невидимой и злой рукой.

Оно пролетело несколько метров по воздуху. Беззвучно, неотвратимо. Не в сторону водителя, не в дома. Оно нашло его. Любомира, с его коробкой красок и мечтой о новой картине.

Когда её внутренний крик, острый, как лезвие, вырвал её из дома, когда она нашла его, всё уже было кончено. Он лежал в придорожной пыли, а рядом валялось зловещее бревно и рассыпанные, растоптанные тюбики краски — яркие, как брызги крови, которой было так мало.

Она рухнула на колени. Её магия, та самая, что ставила на ноги безнадежных, сращивала кости и вытягивала яды, забурлила в ней дикой, отчаянной волной. Она прижала ладони к его непоправимо поврежденной груди**,** взывая к духам трав, к силе земли, к своему собственному нутру. Она отдавала ему годы своей жизни, своё дыхание, свою рыжую силу. Свет лился из её рук, обволакивая его, пытаясь вдохнуть обратно ускользающую жизнь.

Но магия не воскрешает. Она исцеляет то, что ещё живо. А в нём уже погасала искра. Её сила наталкивалась на холодную, непроницаемую тишину, на дверь, которая захлопнулась навсегда. Она чувствовала, как её энергия растекается в пустоте, не находя точки приложения. Она билась о камень смерти, как волна о скалу, и ничего не могла поделать. Ничего.

Он пришел в сознание на миг. Только на миг. Его глаза, обычно такие ясные и глубокие, как лесные озера, нашли её лицо. В них не было страха. Была лишь бездна печали и.… просьба. Он шевельнул губами, и она приникла к ним, чтобы уловить последний выдох, последнюю частичку его души.

Его голос был тише шелеста листьев, но слова отпечатались в ней навеки, выжглись в самой сердцевине:

«Не гаси свой свет, Вива...»

Потом его взгляд ушел внутрь, в ту картину, которую уже не напишет.

Её свет не погас в тот день. Он закалился в этом горниле бессилия. Он стал жестче, острее, лишенным прежней мягкой веры в справедливость мироздания. Если мир так слеп и жесток, что убивает художников случайным куском дерева, то она будет его зрением и его судом. Её помощь стала её местью слепому року. Каждое спасенное ею жизнь было пощечиной той самой случайности. Каждое наказанное зло — попыткой внести порядок в хаос, который отнял у неё самое светлое. Она действовала, потому что больше не могла молиться. Она спасала других, потому что не смогла спасти его.

Глава 4. Сделка

История вторая. Часть первая. Возвращение.

Он вернулся через четыре месяца.

Не в костюме — в помятой рубашке, с небритой щетиной, с красными глазами человека, который давно не спал и, кажется, забыл, как это делается. Казалось, он постарел лет на десять, ввалившиеся щёки делали квадратную челюсть ещё более хищной, но взгляд — тот самый, «я-хозяин-жизни» — никуда не делся. Он горел, этот взгляд. Бешеной, больной одержимостью, которая не знает слова «нет».

Калитка поддалась без звука. Система, настроенная на биометрию Вивы, снова пропустила его — не потому, что он был зван, а потому, что в этот раз он нёс с собой не спесь, а нечто более страшное: тоску. Такую густую, чёрную, что она стекала с него, как дёготь, пачкая дорожку, траву, воздух.

Вива стояла в мастерской, спиной к двери, когда он вошёл. Она слышала его шаги — тяжёлые, нетерпеливые, но с лёгкой запинкой, словно ноги начинали подводить хозяина.

— Я пришёл за другим, — сказал он без приветствия. Голос сорван, как будто он кричал несколько дней подряд, но не мог докричаться.

Вива не обернулась. Она перебирала сухие цветы бессмертника, раскладывая их по глиняным горшочкам. На её пальцах, тонких и длинных, поблёскивал серебряный амулет в форме незамкнутого круга.

— Я слышу, — спокойно сказала она.

— Вы принесли тоску. Я обещала разговор, если вы принесёте тоску.

Он шагнул вперёд, почти вплотную к её спине, но не коснулся — не решился.

— Она ушла, — выплюнул он.

— Та девушка. Сбежала. Кто-то помог ей. Кто-то из моих… из тех, кому я платил. Я не знаю, кто. Я хочу, чтобы вы нашли её. Или чтобы вы нашли того, кто ей помог. И вернули мне возможность… сделать с ними что захочу.

Последние слова он произнёс с таким холодным сладострастием, что воздух в комнате, казалось, стал тяжелее.

— Вы хотите мести, — произнесла Вива. Она наконец повернулась, и её зелёные глаза встретились с его глазами — бешеными, обезумевшими, в которых уже не было ни капли человеческого.

— Хочу, — сказал он просто.

— Я дам вам любые деньги. Любые. Вы превратили конверт в листья — я не знаю, как вы это сделали, но я знаю, что вы можете. Я хочу, чтобы вы сделали так, чтобы они все страдали. Так же, как страдаю я.

Вива смотрела на него долго. Так долго, что он начал нервничать, переминаться с ноги на ногу, теребить пуговицу на рубашке.

— Вы даже не знаете, как она выглядит, — сказала Вива, не спрашивая, утверждая.

— Что?

— Та девушка. Вы не знаете, как она выглядит. Не помните её лица. Не помните имени. Вы знаете, что она молодая, что она красивая, что она отказалась от вас. И что кто-то помог ей сбежать. Но вы не знаете её. Вы даже не представляете себе, чего она хотела. Вы просто хотите наказать кого-то за то, что ваше эго не вынесло отказа.

Он открыл рот, чтобы возразить, но не нашёл слов. Потому что она была права. Он не помнил лица. Только образ — молодой, гибкий, податливый, но в последний момент ставший неуправляемым.

— Мне не нужна правда, — сказал он наконец, и в голосе его зазвенела сталь. — Мне нужна услуга. Я заплачу. В три раза больше, чем в прошлый раз. И не пытайтесь превратить деньги в листья снова — я принёс их на счетах. Цифры вы не превратите в листья.

Он вытащил телефон, открыл приложение банка, показал экран. Сумма была внушительной — такой, что у любого другого перехватило бы дыхание.

Вива посмотрела на экран. Потом перевела взгляд на него — и он увидел в её глазах нечто такое, от чего его уверенность дрогнула. Не страх — нет. Не жадность. Не интерес. Скорее… жалость. Такая глубокая, что он почувствовал себя маленьким, как таракан под ногой великана.

— Хорошо, — сказала она неожиданно.

— Я помогу вам. Он опешил. Не верил своему счастью. Но быстро справился с удивлением.

— Что нужно? Зелье? Ритуал? — затараторил он.

— Нужны вы, — сказала Вива.

— Три вещи, которые вы принесёте мне. Не деньги. Не золото. Вещи, которые для вас не имеют цены, но не в денежном смысле. Согласны?

Он нахмурился.

— Какие вещи?

— Первая — ваша первая детская игрушка. Та, которую вы любили больше всего. Вы помните её?

Он помолчал. В его глазах мелькнула тень — неуловимая, как проблеск молнии за горизонтом.

— Плюшевый медведь, — сказал он нехотя.

— Я его… выбросил. Давно.

— Найдите, — сказала Вива. — Я подожду.

— А вторая?

— Вторая — письмо от человека, который любил вас первым. Не женщина. Не любовница. Родитель. Или бабушка. Или дедушка. Тот, кто любил вас безусловно, когда вы были ребёнком. Принесите его.

Он побледнел. Вива заметила, как дрогнули его пальцы, сжимавшие телефон.

— У меня нет таких писем, — сказал он.

— Найдите, — повторила она.

— Или вспомните, что он писал. Напишите сами. Это не подлог — это память. Если вы не помните ни одной тёплой строчки, адресованной вам, — значит, вы принесли тоску, но не принесли с собой ничего, из чего можно создать что-то живое.

Он сглотнул. Его кадык дёрнулся, как у человека, который проглатывает ком, но не умеет признаваться в том, что плачет.

— Третья, — сказала Вива, — ваша самая страшная тайна. Та, которую вы никогда никому не рассказывали. Придётся рассказать мне. Это единственная плата, которую я беру за то, чтобы дать вам силу. Согласны?

Он молчал. Долго. Так долго, что Вива успела подумать: он уйдёт. Не вынесет. Сломается.

Но он не ушёл.

— Согласен, — выдавил он. Голос его был хриплым, будто он соглашался отдать не игрушку и не письмо, а свою правую руку. — Когда приносить?

— Через три дня, — сказала Вива.

— В полночь. Придёте один. Без охраны, без телефонов, без записывающих устройств. Иначе дверь не откроется.

Он кивнул, развернулся и вышел. В его походке уже не было той уверенности, с которой он ворвался в первый раз. Была неуверенность. Будто он нёс не себя, а кого-то чужого, кто только что сказал ему правду — и он не знал, как с ней жить.

Часть вторая. Три дара.

Он пришёл ровно в полночь.

Без костюма — в простой тёмной одежде, с большим пакетом в руках. Лицо его было серым, как у человека, который не спал трое суток — и не потому, что не мог, а потому, что боялся закрыть глаза и остаться наедине с тем, что он собирался отдать.

Вива ждала его в мастерской. На столе горели свечи — те, что она зажигала для работы. И в центре, на низком столике, лежало зеркало — то самое, в медной оправе, потускневшее, но живое.

— Вы принесли, что просила? — спросила она без предисловий.

Он молча выложил вещи.

Первая — плюшевый медведь. Старый, выцветший, с зашитым ухом — криво, толстой ниткой, как будто ребёнок чинил. Вива взяла его в руки, провела пальцем по вытертому меху, и в её зелёных глазах что-то дрогнуло.

— Кто зашивал? — спросила она.

— Я, — сказал он. Голос сел. — Мне было пять. Я оторвал ему ухо, когда… когда мама ушла. Я хотел, чтобы он был целым. Я взял нитки, иголку — бабушка учила — и зашил. Получилось криво. Но он стал моим. Настоящим.

Он замолчал. Вива не торопила.

Вторая — письмо. На пожелтевшем листе, сложенном вчетверо. Она развернула его, пробежала глазами по строчкам, выведенным дрожащим старческим почерком:

«Сынок, я так тобой горжусь. Ты самый добрый мальчик на свете. Ты не плачешь, когда ушибаешься, и всегда уступаешь место старшим. Я верю, что ты вырастешь хорошим человеком. Не забывай, что любовь не измеряется деньгами. Твоя бабушка».

Она посмотрела на него. Его глаза были мокрыми — он не плакал, но слёзы стояли на грани, готовые пролиться.

— Вы нашли письмо, — сказала она.

— Я… я никогда его не выбрасывал, — сказал он.

— Я думал, что не помню, где оно. Оно лежало в старой коробке, среди всякого хлама. Я нашёл его вчера. Я не знал, что оно там. Я не читал его… лет двадцать, наверное. А когда прочитал, я заплакал. Я не плакал, наверное, с тех пор, как ушла мама. А тут — заплакал.

— Третье, — сказала Вива, хотя уже знала.

— Ваша тайна.

Он сел на стул — не потому, что хотел, а потому, что ноги подкосились. Посмотрел в пол. Потом поднял глаза и встретился взглядом с Вивой.

— Я убил человека, — сказал он.

В комнате стало тихо. Только свечи дрожали от его дыхания.

— Нечаянно, — продолжил он.

— Мне было двадцать три. Мы пили с друзьями, подрались. Я ударил его бутылкой — по голове. Он упал, ударился виском о бордюр. Умер на месте. Я испугался. Я позвонил отцу — он был важным человеком, у него были связи. Он замёл дело. Заплатил, кому надо, и свидетели забыли, как меня зовут. Я жил с этим тридцать лет. Я никогда никому не рассказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.